

Оратория «Махагони» Маргера Зариня

сочной и в то же время прозрачной.

Вслед за «Рождением героя» (так называется вторая часть, повествующая о том, как в 1925 году появился на свет Патрис Лумумба) идет рассказ о медных

Есть художники, которые на протяжении всей жизни разрабатывают; если можно так выразиться, одну золотоносную жилу. В течение долгих лет и десятилетий они ищут и совершенствуют язык и стиль своего искусства. Однажды найденный, этот язык претерпевает порой существенные изменения, но в основе остается неизблемым.

Но есть и другая категория творцов. Это — неутомимые искатели, сознательно стремящиеся к тому, чтобы не просто не повторяться, но всякий раз появляться как бы в новом облике. Именно к этой категории относится Маргер Зариня, композитор, чьи творения, широко известные и в Латвии; чьи далеко за ее пределами, всякий раз поражают свежестью и неожиданностью решения. Достаточно поставить рядом три оперы М. Зариня — «К новому берегу», «Зеленую мельницу» и «Оперу нищих». Разница между ними настолько велика, что ее не объяснить только эволюцией художника за годы, отделяющие эти оперы друг от друга.

Сказанное относится и к последней оратории М. Зариня «Махагони», выдвинутой на соискание Государственной премии СССР за 1967 год. В сравнении с его предыдущими произведениями этого жанра, написанными в начале 50-х годов («Герои Валмиеры» и «Борьба с Чертовым болотом»), «Махагони» представляет не только огромный шаг вперед, но и принципиально новое явление. Разумеется, есть в новой оратории М. Зариня и черты, общие для всего его творчества: высокая идейность, ясность мышления, красочность и увлекательность изложения. Что же касается собственно музыкального языка, то композитор проявил себя здесь с совершенно новой стороны. И объясняется это, конечно, в первую очередь самим замыслом оратории.

Несколько лет назад М. Зариню

попала в руки книга «Африка пробуждается». История борьбы стран Черного континента за свободу и независимость и трагическая судьба великого сына конголезского народа Патриса Лумумбы слились в сознании композитора в некий единый, обобщенный музыкально-драматический образ. В начале 1965 года за два месяца и была написана оратория, получившая символическое название вечнозеленого тропического дерева «Махагони». Верным сотрудником М. Зариня вновь, как и во многих предыдущих случаях, стал А. Круклис. Стихи известного негритянского поэта Ленгстона Хьюза, в одних случаях свободно переведенные на латышский язык, в других — давшие толчок воображению латышского поэта, стали литературной основой оратории (русский перевод Людмилы Азаровой).

Оратория состоит из шести частей. В исполнении участвуют четыре солиста — альтино (голос мальчика), меццо-сопрано, тенор и бас, женский, мужской и смешанный хоры и своеобразнейший оркестр из тридцати ударных инструментов (многие из них носят это название условно, ибо отличаются, скажем, от барабанов развернутой звуковой шкалой; к таким «ударно-мелодическим» инструментам относятся арфа, фортепьяно, виброн и некоторые другие).

Принято думать, что оратория — жанр статичный, как правило, лишенный, в отличие от оперы, действенной драматургии. В «Махагони» М. Зариня блестяще опровергает этот взгляд. Несмотря на отсутствие внешнего сценического действия, оратория захватывает своим драматизмом, сквозной линией, развитием и нарастанием напряжения.

В первой части («Вступление. Сказание о Махагони») с ее эпическим и экзотическим зачином мы словно окунаемся в звуковую атмосферу Африки. Здесь нет подлинных африканских напевов. И все же, несмотря на европейские мелодико-гармонические средства, музыкальное повествование воспринимается именно как звуковая картина Африки. Это достигается сложными ритмами и характерными тембрами ударных инструментов. И сразу же, с первых же минут, мы ощущаем две противоположные силы, которые будут противостоять друг другу на протяжении всей оратории; народ и угнетатели — сначала испанцы, потом, может быть, англичане или бельгийцы... Голоса солистов, выкрики хоров, оркестр — все сливается в единой звуковой ткани, тонко дифференцированной, кра-

рудника «Этуаль», о многочисленных бельгийских компаниях и акционерных обществах, присосавшихся, как пиявки, к телу народа. Золото, алмазы, уран — все загрязяют ненасытные «хозяева». Гибнут десятки и сотни тысяч черных — ради обогащения кучки господ. Музыка становится все более жесткой и судорожной.

Четвертая часть оратории («На королевском стадионе») — самая обширная и драматургически насыщенная. События разыгрываются уже в наши дни. Бельгийский король под давлением обстоятельств вынужден «даровать независимость» Конго, но гневное и вдохновенное выступление Лумумбы опрокидывает хитроумные планы колонизаторов. Выступают черные изменники, предатели своего народа. Патрис обличает их. Он обращается к своему сыну Минто, призывает всю молодежь бороться за свободу и независимость отчизны. Развернутая сцена народного праздника (уже «хозяев»), предвещающая финал оратории, перерастает в эпизод народного восстания (пятая часть). Однако Лумумба предательски захвачен. Он отвергает какие-либо компромиссы с врагами своей страны и погибает в неравной борьбе. Народ оплакивает своего вождя. Тщетно ожидают Патриса его жена и сын.

Очень интересно и необычно задумана и решена заключительная часть оратории, носящая двойное название: «Спиричуэл лиесмеров. Гнев народа». В форме духовного песнопения («спиричуэл») враги народа ханжески отведают Лумумбу и молят бога простить бунтарю все его преступления. Этот сатирический эпизод, подчеркивающий трагизм событий, написан с необыкновенной изобретательностью. Мертво и тупо шагающая мелодия хора окружена приплясывающими шутовскими подголосками, настоячивыми и неотвязными. И тем сильнее и выразительнее звучит короткий заключительный эпизод, напоминающий о неиссякаемых силах народа, который неизбежно сбросит с себя иго иноземной кабалы...

Партитура «Махагони», выпущенная в свет в конце прошлого года ленинградским издательством «Музыка», — ценный вклад Маргера Зариня в сокровищницу советской музыкальной культуры. Со страниц этого талантливого произведения веет силой и темпераментом, искренностью и богатством творческого воображения.

Оратория по достоинству выдвинута на соискание Государственной премии СССР.

П. ПЕЧЕРСКИЙ.